

Часть первая

КУЛАКИ

ГЛАВА 1

Это была кровавая сшибка двух конных волн казаков, которых Гражданская война развела по разные стороны линии фронта. Может, среди них были и родичи, знакомцы, кто-то вместе воевал в Первую мировую. И теперь все они жаждали одного — убить врага, растоптать. Клинком возвысить свою правду.

Я был хорошим наездником. Но когда мы сошлись, жуткая сила выбила меня из седла. Шашка упала в грязь. И я только успевал уворачиваться от копыт, грозивших втоптать меня в степную сухую почву.

Дело даже не в том, что это было страшно. Просто я ощущал себя щепкой, которую несет водопад. Ржание коней вокруг, выстрелы. Мелькают копыта. Падают лошади и люди. Брызжет кровь. И я не могу сделать ничего, потому что барабан револьвера опустел. Голова ходит ходуном. По шее льется кровь. Слаб я, мне нечего противопоставить этому потоку.

Надо мной, осадив лошадь и приподнявшись в седле, навис огромный казак. Он поднял шашку. И я осознал, что отвоевался — меня сейчас разрубят пополам.

А потом стальная молния клинка снесла казака. И красный командир Фадей Селиверстов заорал: — Не зевай!

Он выстрелил в еще одного противника. И каким-то чудом вытащил меня из свары.

Этот жестокий бой, где я остался жив силой провидения да крепкими рукой и словом Фадея, мне снился уже который год. И во сне, как тогда наяву, острыми когтями меня царапало ощущение собственной беспомощности. Вот оно опять навалилось и прошло. И меня повлекло по радужной волне. Пришло спокойствие. А потом я вздрогнул и очнулся.

Отсутствовал в этом мире каких-то пару минут. Изможденный вечной бессонницей и нервным напряжением, прямо за рабочим столом я отключился, провалился в текучее марево, где жили образы прошлого. И где страх всегда сменялся вольным покоем.

Я потер виски, возвращаясь на твердую землю. И поймал на себе сочувствующий взгляд Фадея. Это фигура из моего прошлого, которую я будто вытащил из нахлынувших сонных воспоминаний в настоящее.

Конечно, никуда я его не вытаскивал. Он со мной всю мою сознательную жизнь. Вон, устроился на стуле напротив меня, смотрит с сочувствием и тревогой. Невысокий, массивный, с широченными могучими плечами. С Гражданской войны его лицо сильно округлилось, лоб прорезала глубокая

морщина, а на поседевшей голове появились обширные залысины. А выдающийся нос картошкой остался все тем же. И глаза все такие же ярко-синие, умные, но уже далеко не такие задорные, а больше ироничные.

Фадей был одет в безукоризненно отутюженную военную форму. По две шпалы в каждой малиновой петлице. Бывший казачий десятник, разведчик-красноармеец, сегодня он старший лейтенант госбезопасности и мой заместитель.

Ну а мой гражданский пиджак ни о чем не говорит. Я ведь капитан госбезопасности, заместитель начальника областного Управления НКВД и одновременно начальник Управления государственной безопасности. Только форму надеваю редко.

Я пододвинул к себе стопку утренних газет. «Известия» от 28 мая 1938 года. «Фашистские бомбардировщики в одиннадцатый раз атаковали испанский городок Фрагу»... «Мы дадим фашистам бой» — песня батальона имени Тельмана испанской республиканской армии.

Испания. Мои друзья бьются там в составе интербригад с фашистами. В основном с немцами — те всюю пробуют силы в Европе. Испанские перспективы для нас неважные. Не приведи господи, если это репетиция большой войны...

Что еще? О как! Американский журнал «Тайм» признал канцлера Германии Адольфа Гитлера человеком года. За объединение немецкого народа — то есть за оккупацию в марте Австрии. Не рановато ли подсуетились? Год только начался...

— Совсем ты вымотался, — сочувственно произнес Фадей. — На ходу спишь. Тебе на рыбалку бы. Да поутру.

— Не томи душу, злыдень, — мечтательно вздохнул я, поскольку рыбалка была моим любимым и чаще недостижимым видом досуга. — А сам-то! Живешь на работе. Жена и дочки тебя не видят.

— Время такое, — вздохнул Фадей. — Тяжелое.

— Время, черти его дери. Время.

Время коварно — это да. Оно течет слишком быстро. И, как морская волна, выносит на берег щепки разбитых надежд и ожиданий.

Вон, вспомнить двадцатый год. Жили мы безоглядно, на всю катушку, не боялись ни смерти, ни бога, ни черта. Готовы были сложить буйные головы за светлое будущее, которое совсем рядом. Главное — выгнать интервентов и эксплуататоров. И будет всем счастье. Вот оно, то светлое будущее. Теперь я усталый и угрюмый. С ноющими старыми ранами. И живу в тени тезиса о нарастании классовой борьбы с развитием социализма. То есть дальше врагов народа будет все больше. Значит, больше работы мне, карающей длани советского государства...

Я пододвинул к себе кипу папок. Вот она, классовая борьба — во всей красе. В материалах агентурных дел. В приговорах троек. В бессонных ночах и тягостных сомнениях — а не снится ли мне все это? Нет, не снилось.

— Ну, так что там с «путейцами»? — возобновил я прерванный разговор.

— Все на мази, — расплылся в широкой доброй улыбке Фадей. — Народец в предвкушении и доволен. Сегодня пойдут на дело.

— Агенту доверяешь?

— Как себе.

— Поверим на слово. — Я постучал пальцами по столу — он у меня старорежимный, от царских чиновников, массивный, с резными тумбами, покрытый синим сукном. — Кого берем на мероприятие?

— Вот, — Фадей протянул мне папку с планом под грифом «Секретно». Там все — расстановка личного состава, места дислокации и задачи. Сигналы. Схемы. Сделано идеально и продумано до мелочей. Мой заместитель большой мастер планов и бумажек.

Я одобрительно хмыкнул:

— Дельно!

Тут дверь распахнулась. Без стука и звука. Начальственный обход.

Высокий, статный, седой майор государственной безопасности Гаевский уже третий год держал в своих руках штурвал нашего корабля. И привычек не менял — любил лично обходить дозором свои владения. Входил обычно без стука. Интересовался по-отечески делами. Пожимал руки. Напутствовал. Таким образом хотел держать все под неусыпным контролем.

У всех свои чудачества. Не страшно. Руководителем он был в целом терпимым, если не обращать внимания на некоторые опасные моменты. Не злопамятный, тактичный, хотя порой язвительный, а иногда выходящий из себя. Полная противополо-

ложность прошлому начальнику — черноморскому матросу, из тех, которые одно время выбивались в руководство ВЧК. У того через два цензурных слова звучало десять матюгов, да еще вечный трубный рев на подчиненных, хватание за именной маузер, пожалованный Дзержинским.

За начальником УНКВД как хвост тащился вечно мятом кителе, со щетиной, невысокий, длиннорукий, худощавый, с жиденькими волосами, неопределенного возраста — от двадцати пяти до пятидесяти, Ефим Грац. Это наш начальник временной специальной следственной группы. Пламенный и бестолковый оратор, известный факир — в его руках как по волшебству из пустоты возникали троцкистские группы и антисоветские подполья.

— Как, товарищи, работается? — по-отечески спросил Гаевский, окидывая глазами кабинет и останавливая взор на плане мероприятий.

— Готовим операцию, товарищ майор, — отчеканил я. — Агентурное дело «Путейцы». Источник внедрен в банду, занимающуюся хищениями железнодорожных грузов. Сегодня на заводском тупичке преступники намерены подогнать грузовик и распотрошить пару вагонов. Есть шанс взять их с поличным.

Гаевский недовольно поморщился:

— Вы подменяете милицию.

— Это грузы военного назначения, — возразил я. — Нельзя всякой шпане давать возможность запускать загребущую руку в сокровищницу РККА.

— У РККА нет сокровищниц. Есть военные склады, — начал нудить Грац и звучно шмыгнул

носом. Он все время шмыгал носом, что сводило на нет пафос речей.

— Не придирайтесь, Ефим Давидович, — снисходительно улыбнулся Гаевский. — Эта словесная витиеватость у Ермолая Платоновича после командировок на сказочный Восток, то есть в Среднюю Азию... Работайте, товарищи. С богом не скажу, поскольку он существо мифическое. Но удачи пожелаю.

И пожал нам руки. Ну просто отец солдатам...

ГЛАВА 2

Как же здесь тесно! Ноги не вытянешь. Фадей, шутник, засунул своего начальника в закуток чуть просторнее собачьей будки на крыше брошенного кирпичного ремонтного корпуса. Специально, что ли, чтобы не задавался? Но он инициатор операции. Ему все карты в руки.

Наша засада обосновалась на железнодорожных путях, отходящих от «Пролетарского дизеля». Во время строительства завода здесь был крупный перевалочный пункт стройматериалов, техники и оборудования. Теперь остались разъездные пути, частично брошенные складские и административные строения. Раньше здесь кипела жизнь. Сейчас отстаиваются вагоны под загрузку или после таковой.

Воришкам здесь как медом намазано. Площадь большая, так что охранники ВОХР не успевают уследить за всем. А бывало, что и сами участвовали в разворовывании грузов.

Обычно расхитители работают по мелочам. Но только не шайка вора в законе по кличке Перс. Эти тащили по-крупному. Даже грузовик-полупотурку по случаю достали — один из бандитов шоферил на базе снабжения Потребкооперации.

Ох, нога затекла. Тесно, душно. И пыльно. Все время чихнуть хочется, но нельзя. И черная железнодорожная тужурка давит — размер маловат. И майская ночь выдалась прохладная.

Сам Фадей пристроился в старом административном здании. Оно комфортнее. А еще там отличный наблюдательный пункт. Оттуда он и подаст сигнал на задержание.

Надо отдать должное моему заместителю — расставил бойцов он так, что шансов скрыться у бандитов практически нет. Все перекрыто. Лишь бы пришли. Лишь бы их никто не спугнул. Лишь бы злодеи нас не заметили раньше времени, палить не начали и кого из сотрудинок не заделали бы.

Чего гадать? Боевая операция — это всегда неопределенность и случайность. А случай может завести куда угодно. Так что нечего мандражировать. Нервы еще пригодятся.

Вагон будут потрошить метрах в тридцати справа от меня. Начнется у ребят дельце. Поташат они ящики. А тут я, как ангел небесный, с крыши! И отовсюду бойцы лезут — кто в форме, кто в партикулярном платье. Красота! Лишь бы воры пришли на представление!

Я сегодня простой боец. Мое присутствие совсем не обязательно. Но тянет старого кавалериста на подвиги. Не упускаю случая вырваться из

бумажной клетки докладных, рапортов, отчетов и планов. Однако дело не только в этом. На таких мероприятиях обязательно накопишь что-то ценное. Кусочек информации, не хватающей до полной картины. Ниточку, за которую можно потянуть. Настроения людей. Это пульс жизни города. И, как руководитель НКВД, я обязан его ощущать.

Бандиты идут на дело не в первый раз. Сначала подломили продовольственный магазин в Затурском районе. Потом кассу в заготконторе в Синих Озерах. И теперь решили поживиться здесь. Получили наводку, что хороший груз пойдет.

Эшелон воинский. И от греха подальше охрану мы сняли. Рисковать красноармейцами нельзя. Подручные Перса в Озерах оглушили охранника. А в продмаге накололи на нож двоих — люди едва выжили. Сейчас душегубы решили не останавливаться перед убийством. У одного обрез. У главаря револьвер и любимая финка.

Чтобы снять караул, пришлось выдержать настоящую словесную баталию с военными, гарантировать им целостность имущества — дорогостоящих запчастей для техники. Для чего это железо бандитам? Значит, имели каналы сбыта.

Железнодорожный военный комендант заверял:

— Наш боец уложит любого диверсанта. А вы мне про какую-то шпану.

— Нам нужно их с поличным взять. Ничего с грузом не случится. Там наши ребята в каждой будке и канаве.

— Под вашу ответственность!

— Под нашу, — кивнул я. — Нам не привыкать.

В общем, сняли караул. Всех посторонних во избежание неприятностей убрали подальше. Только плакат со светящимися лампочками не успели повесить: «Добро пожаловать, люди добрые. Грабьте».

Время уж за полночь, судя по фосфоресцирующим в темноте стрелкам моих командирских часов. Ну и где ты, Перс? Где твоя воровская удасть?

Я чуть не впал в дрему, обхватив зябко плечи руками. Вздрогнул, когда услышал голоса. Как молния мелькнуло в сознании: «Они!»

Затаив дыхание, прислушался к скрежету взламываемых замков. К негромким веселым матюгам. Шум отодвигаемой вагонной двери. Звук мотора — это они полупорку прямо к путям подогнали, чтобы не напрягаться. Вот наглые!

Хлопок выстрела... Это Фадей напомнил о себе. И дал отмашку на задержание.

И тут же вопли:

— Стоять! НКВД!

Взмыли вверх осветительные ракеты. Не как днем стало, конечно, но супостата рассмотреть и отличить от своего теперь можно.

Я выскочил из своего укрытия, сжимая наган. Черт, еле ноги двигаются. Окаменел там. Но времени терять нельзя.

Взревел мотор. Хлопнула винтовка. Двигатель грузовика заглох. Отлично, полупорку тормознули!

С края крыши я увидел бегущего внизу тщедушного человека. Был он передо мной как на ладони. А резко он улепетывает. И никакой реакции на грозные крики в его адрес:

— Стой! Стреляю!

Если правый фланг в суете оголили, может и уйти. Ну а я на что?

Описывать мой мыслительный процесс — это долго. На самом деле все происходило в движении, за считанные секунды.

С двухметровой высоты я спрыгнул на землю, прямо перед бандитом, с криком:

— Стой!

Хотел сбить его на лету, но не рассчитал.

На миг мы очутились друг напротив друга. Низкорослый, юркий противник злобно щерится. Типичная уголовная шваль. И рефлекс у него подлый сработал. Выкинул руку из-за пазухи. Мелькнуло лезвие. Для блатного финка как пудреница для институтки — всегда должна быть под рукой и готова к употреблению. И лезвие должно быть не только заточено как бритва, но и помножено на твердую решимость пустить его в дело.

Решимость была. И устремилась стальная смерть прямо мне в живот. Нож в ближнем бою не хуже пистолета. Пропорет мою черную железнодорожную тужурку с медными пуговицами в два ряда, войдет в плоть. А я выстрелить не успеваю!

Каким-то чудом я, матерый гимнаст, изогнулся и отскочил, избежав ранения. Но следующее движение ножа меня достанет!

Бандит подался вперед, чтобы пронзить меня вторым выпадом. И тут я засветил ему рукояткой револьвера по голове.

Треск. Стук падающего тела. Готов. Можно не проверять. Лишь бы очухался. Мне с ним еще поговорить надо.

Отовсюду слышались крики. Ругань. Характерные звуки пересчета ребер. И еще пара выстрелов. Операция двигалась к финалу...

ГЛАВА 3

— Не хочешь жить как человек, — укоризненно произнес я, глядя на тщедушного Перса, который недавно пытался пощекотать меня финкой.

Это такой продукт воровской селекции — мелкий, изможденно худой. Со злобным оскалом, обнажающим металлические фиксы. С бойким язычком и наглостью, перемежаемой со страхом за свою шкуру.

Пятерых задержанных мы отвезли в Управление. Теперь они дают показания в комнатах для допросов. Шестой, тяжелораненый, — в больнице. Вряд ли выживет, но не жалко. Нечего за обрез хвататься. Теперь главное — не сболтнуть о незавидном состоянии его здоровья участникам шайки. Узнают, что их кореш готов отправиться к чертям на сковородку, тут же станут все на мертвого валить.

— Да я и живу как человек, а не как овца. — Вор потрогал окровавленную повязку на голове — хорошо я его приложил, аж на душе тепло. — Это овцы с работы домой и обратно. И ждут, когда их стричь будут.

— Так и запишем. Трудовой народ, по мнению рецидивиста Сахарова, — это тупые овцы.

— Гражданин начальник, — урка поежился, вспомнив, что он не в родной для него милиции,

а в госбезопасности, где длинный язык и до расстрельной стены доведет, — это же поэтическое сравнение. Это я так!

— Поэт, значит. Ну и какой стих сложишь о своей преступной деятельности?

— Черт попутал. После последней ходки — ни-ни. А тут пацаны местные говорят — пошли, поможешь груз на путях перетащить. Не знал, что крадут.

— Чего?!

— Ну ладно. Предполагал. Признаю вину. Оформляйте чистуху. И на Север. ГУЛАГ — родной дом для вора.

— Эка ты разогнался. Дельце у тебя не первое. Да еще с покушением на мокруху. Но даже не в этом сермяжная суть. Эшелон военный. Поэтому преступление у тебя государственное. И покушение на жизнь сотрудника НКВД при исполнении добавь.

— Так я же не знал! Вы, гражданин начальник, в робе были, а не в форме!

— Так тебе кричали.

— Ну а я не слышал!

— Это ты тройке при областном НКВД объяснишь. Если спросят. Но это вряд ли. Так что был честный вор, а стал контрреволюционный элемент. И прощаюсь я с тобой, Перс, навсегда.

Вор стал белый, как накрахмаленная простыня. И судорожно сглотнул:

— Но это неправильно! Не по совести!

— Все правильно. Ты ни народу, ни родным не нужен. Ты тля и паразит. А паразитов даже с собак вычесывают.

— Ну это... Я сотрудничать готов. Всех сдам. Мне никто не брат. Только не на тройку.

— Я слушаю.

Он начал выдавать что-то жалкое про корешей и малины, про скупщиков, кому толкал товар. Меня это не особо интересовало. Отправлю информацию милиции.

— Ты еще подумай, — сказал я и вызвал конвоира.

Вот же распоясались, твари уголовные. В первые годы советской власти их социально близкими именовали. Мол, тоже жертвы царизма. Как не станет эксплуататоров, так и воровать незачем будет. Эксплуататоров нет, а эти паразиты все так же норовят залезть в чужой карман и народ овцами величают. Да еще в ГУЛАГе свои законы заводят. Вот кого к стенке надо ставить. И изжить как класс.

Среди задержанных попалась пара человек, работавших на «Пролетарском дизеле» и сбитых Персом с пути истинного.

Один, тупой и здоровый, трудился в котельной. С детства шатался по колониям для беспризорников да тюрьмам. Советская власть ему работу дала, жилье, посчитала, что он человеком стал. И ошиблась.

Он смотрел на меня очумело и все долдонил:

— А я чего? А я ничего. Мне сказали идти — я и пошел. Хавку пообещали, денегжат. Говорят: вскрывай дверь на вагоне. Я и вскрыл. А чего?

Другой — ростом поменьше и умом пошустрее, фрезеровщик, из городских, сразу понял, куда дело идет, и чистосердечно признался. Понимая, что этого недостаточно, выдал:

— Тоже мне, нашли врагов народа. Вон, Богдан котел в цеху рванул в прошлом году. Говорит, это протест против неправильного коммунизма. Он, значит, за правильный коммунизм. Ну и дальше котлы будет взрывать.

— Кто рванул? — не поверил я своим ушам.

— А мне зачтется? Что я раскаялся и желаю принести пользу.

— Зачтется, не бойся. Жить будешь.

Фрезеровщик выдал все. Богдан Кирияк, слесарь из сборочного цеха. Скрытый террорист.

Получалось, на заводе «Пролетарский дизель» действует вполне реальная террористическая организация. И прошлогодний взрыв был не последним. Как я и предполагал...

ГЛАВА 4

— Нина Иосифовна, вы очаровательны как всегда, — польстил я секретарше начальника, отчаянно барабанившей по круглым клавишам массивной пишущей машинки.

Секретарша была сухощавой женщиной неопределенного возраста, не лишенной некоторого высокомерного женского вызова, выразившегося в модном и дорогом оформлении себя любимой — тронутые кармином ярко-красные губы, फिल्деперсовы чулочки, креп-жоржетовые платья. Для кого это делалось — непонятно. К мужчинам она относилась холодно и высокомерно, включая самого Гаевского, который таскал ее за собой с одно-

го места службы на другое лет десять. Она была из тех суровых дев, что все обо всех знают, всеми пытаются крутить и искренне считают, что способны управлять конторой куда лучше руководителя — и не всегда это мнение безосновательно.

В ответ на комплимент я услышал строго-осуждающее:

— Опаздываете! Все уже на месте!

Я не опаздываю, а прихожу минута в минуту. Нет у меня обыкновения заявляться пораньше, дабы польстить начальству.

Кабинет был просторный, стандартный. Толстая красная ковровая дорожка. Огромный стол в форме буквы «Г» с телефонами — городским, внутренним и ВЧ, то есть высокочастотной спецсвязи. Массивные стулья с красными сиденьями и вырезанными на спинках звездами. Дубовые панели на стенах. Книжный шкаф. Портреты Сталина и Ленина — друг напротив друга, будто ведут бесконечный спор о праве наций на самоопределение.

Народ в сборе. Тут заместитель начальника по кадрам, главный тыловик, начальник Управления Рабоче-крестьянской милиции, руководитель отдела мобилизационной работы, начальники тюрем и пожарной охраны. И еще парочка особо приближенных. Людно, как на демонстрации. Ну так и ведомство у нас солидное.

Руководитель секретариата ведет протокол совещания. Все с секретными блокнотами и перьевыми ручками, преданно смотрят на начальника. Откуда у наших людей подобострастие к начальству? Я лично его лишен напрочь, поэтому всех глубин

этого странного чувства, особенно в государстве рабочих и крестьян, постичь не в состоянии.

— Наконец-то, — укоризненно произнес майор госбезопасности Гаевский. — Только вас и ждем, Ермолай Платонович.

— Бессонная ночь, — развел я руками. — Взяли банду расхитителей железнодорожных грузов.

Я коротко доложил о результатах ночной операции. Воодушевления начальственного не увидел.

— Мельчим, товарищи. Мельчим. — Гаевский сурово сдвинул брови. — Настоящие бандиты — это наши лжесоратники. Они засели в партийных и советских органах. В райкоме. В исполкоме или на автобазе. А может, и у нас.

— Там интересная информация, — заявил я, прерывая его вечную песню о засевших везде врагах народа. — Возможно, ниточки потянутся к прошлогодним диверсионным актам на заводе.

— Которые признаны результатом халатного нарушения техники безопасности. Виновные наказаны, — привычно шмыгнув носом, выдал начальник специальной следственной группы Фима Грац.

— Это еще вопрос! — огрызнулся я. — А не проявили ли мы близорукость, желая быстрее спихнуть дело?

— Не стоит препираться, — примирительно махнул рукой Гаевский. — Доложите позже.

— Как только ситуация прояснится, — кивнул я, ругая себя за то, что поднял эту тему. Слишком тут много лишнего народа. Не удержался, бывает.

— И все равно, — продолжил начальник УНКВД. — От нас ждут другого. Если бы не уси-

лия товарища Граца, пришлось бы перед Москвой краснеть.

Краснеть перед Москвой — да, это страшно. Эх, Гаевский. Он красиво и убедительно выступал перед рабочими коллективами. Всегда находил общий язык с трудовым народом. И, конечно же, был себе на уме — других в органах не держат. Я до конца его так и не расшифровал. Но многое из того, что он делал в последнее время, мне категорически не нравилось. Особенно опасное желание любой ценой отчитаться перед наркоматом. Хотя у него работа такая. В чекистских делах он разбирался слабо, но это к лучшему. Достаточно, что в них разбираюсь я.

Я посмотрел на площадь за окном, по которой барабанил несколько часов не желающий утихать дождь. Когда-то здесь были трущобы. Но их расчистили, и получилась огромная площадь.

Друг напротив друга высятся два монументальных здания. УНКВД — это бывший доходный дом купцов Васильевых, где снимали углы приказчики, мелкие дворяне, чиновники, удачливые шлюхи. Здесь были просторные подвалы, отлично подошедшие для резиденции ГубЧК. А массивное, с колоннами и античным портиком здание обкома построили три года назад после реконструкции района. В центре площади на постаменте указывал трудящимся рукой верный путь бронзовый Ленин.

Обком и НКВД. Два основных центра власти. Тайная и явная...

Совещание продолжалось. Гаевский принялся за Граца.

— Ефим Давидович. Что у вас с университетским делом? Как там профессор Корниенко и его «литературоведы»? Когда будете заканчивать?

— Э-э, — многозначительно протянул Грац. — Рановато заканчивать. Там такие концы нащупываются. В Ленинград следы уходят.

— Если нужна помощь ленинградских товарищей — сразу обращайтесь. У нас с ними полное взаимопонимание... И понастойчивее.

— Железно! — гордо выпрямился Грац. — По-пролетарски так крепко выведем всех на чистую воду. Пусть знают, мне ни их пули, ни гранаты не страшны. Ни ранения!

Грац к месту и не к месту долдонил, что был ранен в боях со скрытой контрреволюцией — все не мог успокоиться по поводу злосчастной гранаты, которую в него швырнули в прошлом году на обыске. Даже кличку у несознательной части личного состава приобрел — Раненый.

Я же вспоминал о своих ранах, только когда они начинали ныть. На плече шрам от сабельного удара. На боку — зажившая дыра от деникинской пули. На спине остались шрамы от казацкого кнута. В ноге застрял осколок. Так, может, тоже начать жаловаться на каждом углу и вместе с Грацем организовать общество раненых, требуя дополнительный паек?

Начальник секретариата зачитал бумагу из Москвы об обострении внешнеполитической обстановки, внутривнутриполитической борьбы, о непримиримости к врагу и наращивании усилий. После чего мы разошлись по своим делам.

Меня мотало из стороны в сторону от недосыпания. Сотрудников, что участвовали в ночной операции, я отпустил отдыхать после того, как оформили задержанных и взяли показания. Дальше работа для прокурорских следователей.

Тройкой я бандитов просто пугал. У них обычная уголовщина, хотя и огребут они за свои дела по полной.

Надо не забыть черкануть бумагу, чтобы тому фрезеровщику, который навел на вредителя на «Дизеле», зачли помощь органам госбезопасности. Не то что я о нем забочусь — такую тварь шлепнуть рука не дрогнет. Но существуют железные правила. За сотрудничество полагается снисхождение. Начни обманывать, и люди перестанут идти на контакт с органами.

Только я устроился за своим начальственным столом, как на огонек мотыльком припорхнул Фадей.

— Ты железный? — спросил я. — Чего не отсыпашься?

— На том свете отоспимся. Дел невпроворот.

— Еще одно подоспело, — хмыкнул я и расписал ему наводку на «Пролетарский дизель».

— Понятно было, что там вредительство идет. А зацепка хорошая. Поработаем, — Фадей азартно потер руки.

— Люди и время. Как же их не хватает. Только начинаешь что-то делать долгоиграющее, как тут же что-то обязательно случается. И опять — эскадрон, по коням.

— Это точно. Даже научно проверяемо. Антонина твоя может сделать математический ана-

лиз, — напомнил мне Фадей, что моя женщина — математик, что само по себе диво дивное.

— Да я и так знаю, что проблемы косяками ходят. Одна за другой.

Зазвонил телефон на столе. И Фадей с улыбкой выразительно посмотрел на него — вот, мол, сейчас и проверим гипотезу.

— Ремизов у аппарата, — гаркнул я.

— Это Рыбак, — обозначился псевдонимом агент. Судя по шуму в трубке, звонил он из телефона-автомата.

По примеру Москвы в нашем городе проходит активная телефонизация. В результате на улицах выросли мрачные, похожие на небольшие крепостные башни, телефонные будки с маленькими амбразурами окошек. Вещь, чрезвычайно полезная для экстренной связи агента с куратором.

— Сообщаю, что вчера враг и паскудник-фигурант Боров дома мешок золота запрятал, — забарабанил как пулемет — быстро и убийственно — мой агент Лопарь. — Это общие накопления их вредительской банды. Завтра эти лишенцы развезить собираются по тайным местам. Боятся обысков. Товарищ капитан, надо его за вымя щупать. Иначе упустим.

— Пощупаем, — заверил я и положил трубку.

Фадей усмехнулся, посмотрев на меня:

— Ну что, подтвердилась гипотеза?

— Подтвердилась. К Борову общую кассу свезли.

— У криминального элемента это называется общак.

— Этот самый общак они намерены из города завтра вывезить.

— Отлично! — расплылся Фадей в улыбке из разряда «кот и сметана». — И не надо наворованное искать. Сами все собрали.

По агентурному делу «Грызуны» в отношении руководства треста «Русский текстиль» и их партнеров мы работали давно и располагали раскладом на всю шайку. Заговорались ответственные товарищи знатно. И вот настала пора наведаться к основному фигуранту — как его агент назвал, лишенцу и вредителю, — под псевдонимом Боров.

— Собирай бойцов, — сказал я Фадею. — Работаем по четырем адресам...

ГЛАВА 5

Что-то в нас есть от ночных хищников. После полуночи выходим на охоту и чувствуем себя лучше, чем днем. Так принято еще со славных времен ВЧК — все задержания и обыски при лунном свете. Или без него, но ночью. Это чтобы накрыть объекты разработки тепленькими, сонными, в гарантированном месте — и сразу обыск.

Так и живем. Ночью обыски. Утром — совещания и бумаги. Дома иногда неделями не бываю, благо, как у большого начальника, к кабинету примыкает небольшая комната отдыха, где есть скрипучая раскладушка. И даже санузел свой, так что можно не маячить перед сотрудниками и посетителями с зубной щеткой во рту.

Схема отлажена. Сбор перед выездом в моем кабинете. Разбивка по группам. Вручаю подписан-

ные ордера на обыск и арест. Определяем порядок выдвижения, старших групп, транспорт. Едем работать по воровскому гнезду — тресту «Русский текстиль».

Опергруппа обычно выдвигается на легковой машине или специальном фургоне для перевозки арестованных, прозванными в народе «черными воронками». В последнее время эти наши машины вызывают ужас во всем городе, потому что зачастую люди, которых пригласили проехаться в них, домой не возвращались.

Первый час ночи. Город давно спит по патриархальным традициям и из-за отсутствия зланных мест для загульной ночной жизни — чай, не Париж. Моя «эмка» урчит мотором. К Борову, он же директор треста Никола Свинолупенко, мы выдвигаемся втроем на одной машине.

Останавливаемся за квартал до «Боярского терема» — так прозвали в народе дом для номенклатуры. В Москве, как я знаю, прославился Дом на Набережной, специально отстроенный для расселения жившей прямо в Кремле партноменклатуры. Вот и у нас в городе возвели похожий огромный серый дом с кинотеатром и двумя магазинами. И, главное, с отдельными квартирами — от клетушек для начальства пожиже до барских хором матерых ответственных работников. Как и свой московский близнец, в последнее время «Терем» стал пользоваться дурной славой. Слишком много людей оттуда увез «воронок». Скоро там, как в английском замке, будут бродить призраки замученных совпарработников. Теперь суеверные ру-

ководители с административными возможностями отчаянно пытаются съехать из «Терема», благо солидного жилья в нашем купеческом городе хватает.

— Притормози, — велел я водителю.

«Терем» за поворотом. И незачем будить его обитателей звуками мотора.

Своих людей я всегда настраивал на боевой лад. Ведь не народной самодеятельностью занимаемся, пляшем и танцуем, а арестовываем людей, которых лишают всего. И они часто сами способны на все. Поэтому нельзя выставляться под окнами, чуть ли не сигнализируя: готовьтесь, мы приехали.

Взять, к примеру, специальную следственную группу. Вот кто любители заявиться в адрес с помпой, без оглядки и опаски. Тот же Грац всегда больше красовался, чем делал работу. А красоваться на таких мероприятиях — это много говорит о человеке. Пофыркивая, с удовольствием плескаться в горе окружающих — это умственное извращение. Я этого страшно не любил. А Грац наслаждался самим фактом своей власти над людьми, считая, что сама эта власть уже надежный щит. Ну и допрыгался.

Однажды, войдя в квартиру секретаря фабричного райкома ВКП(б), он привычно завел лекцию о врагах народа, неминуемой и справедливой их суровой ответственности перед страной и партией. Старый большевик, уличенный в саботаже решением Политбюро по очищению рядов, создавший у себя в районе убежище для троцкистской оппозиции, мрачно кивал. Потом грязно выругался. И рванул гранату, которая у него была привязана под столом.

Грацу сказочно повезло — взрывная волна прошла мимо. А вот двоим его сотрудникам — не очень. Один погиб на месте, вместе с секретарем райкома. Другой с тяжелыми ранениями был доставлен в госпиталь. Тогда начальник следственной группы, пребывавший в шоке, и помешался на своих боевых ранениях, а потом получил кличку Раненый.

Эх, головотяпы. Счастье того же Граца, что он не участвовал в арестах военных. Лихие командиры Гражданской войны вполне могли пальнуть по оперативной группе НКВД. Один знаменитый военачальник вообще выкатил на даче пулемет «Максим» и прижал очередями к земле опергруппу, приехавшую его арестовывать. Потом начал названивать по кремлевской АТС Сталину: «Иосиф Виссарионович! Ко мне враги народа лезут!» Тот приказал отозвать группу. Так и остался герой войны на свободе.

После случая с гранатой я строжайше приказал на мероприятиях действовать по инструкциям и максимально жестко. Не ломиться толпой в подъезд, а просачиваться по одному. Проникать в квартиру путем выбивания двери или под благовидным предлогом, а не вопить на лестничной площадке: «НКВД! Готовься, контра!» Действовать решительно, без сантиментов. «Всем встать!» И неважно — женщины, дети. Однажды жена арестованного глубоко порезала нашего сотрудника кухонным ножом. Так что: «Руки за голову!» Личный допрос и быстрый осмотр квартиры на предмет колюще-режущего, стреляющего и взрывающегося. Потом уже разговоры по теме и тщательный обыск.

Окна нужной нам квартиры не горели. Спят жильцы после трудового дня.

Третий этаж. Массивная, аккуратная, обитая дерматином дверь с медной ручкой.

Давлю на звонок... Еще раз. За дверью шарканье тапочек. Настороженно-раздраженный хрип:

— Кто? Чего надо?

— Пакет. По мобилизационной разнарядке, — объявляю я.

Дело нередкое. Свинолупенко как руководитель областного звена находится в мобилизационных планах облвоенкомата. Военные время от времени устраивают учения и проверки. Особенно любят делать это по ночам, чтобы увериться — человек бдит.

Что-то нечленораздельное донеслось, похожее на ругань. Дверь открылась.

Проем закрывал некогда широкий в кости, а ныне расплывшийся в жире до неприличия, недовольный хозяин в пушистом халате. Курчавые волосы, пышные усы и кабаньих взгляд человека, ищущего, на ком бы сорвать злость.

Ну, поехали. Вперед!

Вжимаем хозяина в стену.

— НКВД! Все остаются на местах!..

И вот вся семья в сборе. В просторной столовой за квадратным столом сидит Свинолупенко. Рядом его полноватая взъерошенная жена с вошедшими глубоко в полные пальцы бриллиантовыми кольцами, с которыми не расставалась даже ночью. Она тоже завернута в халат — шелковый, с лебедями и японскими иероглифами. Что-то пыталась верещать и возмущаться. Зря, с нами так себя не ведут.

— Сейчас в наручники и в камеру, если еще слово без спроса, — с явной угрозой отчеканил я.

— Да я...

— Молчать! — рявкнул я так, что стекла задрожали.

Она и замолчала. Истерика сменилась на парализовавший все тело ужас.

Еще две дочки-близняшки тринадцати годков. Они перепуганы, слезы текут, и сердце мое будто пальцы сжимают. Детские слезы — это очень тягостно. Но иначе нельзя. Мы вершим пролетарское правосудие.

Я кивнул старшему оперуполномоченному экономического отдела УГБ Саше Александрову. Он извлек из папки ордер и продемонстрировал его.

«НКВД СССР.

Управление НКВД по области.

Ордер № 1196.

Выдан 1 июня 1938 года.

Действителен трое суток.

Сотруднику УНКВД области тов. Александрову А. А. поручается провести обыск и арест гр. Свинолупенко Н. У., проживающего по адресу: улица Энгельса, д. 11, квартира 114.

Всем органам советской власти и гражданам надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных обязанностей.

Зам. начальника УНКВД Ремизов
Секретарь Румянцев».

Александров предложил сдать оружие, деньги, валюту, материальные ценности, нажитые преступным путем, антисоветские материалы и другие вещи, запрещенные к обороту на территории СССР.

Ничего не выдали. И начался тщательный обыск.

Квартира трехкомнатная, странной планировки, с изломанными длинными коридорчиками, множеством кладовок, заваленных всякой рухлядью. Шкафы с кучей пыльных шмоток, туфель, сапог. Трюмо с зеркалами. Буфеты с хрусталиями, слониками, фарфоровой посудой с вензелями. Барахло, барахло, барахло.

Надрывались мы пару часов. В основном находили всяческие предметы женского немудреного счастья: серьги, драгоценности, ридикюли, броши-бутоньерки с запаянными в стекло цветами. Становилось понятно, почему директор треста принялся столь активно и отчаянно воровать. Такую жену насытить невозможно.

Свинолупенко все это время сидел насупившись. Привычно бурчал насчет фатальной ошибки и ужасных последствий для нас. Такие монологи каждую неделю мне льют в уши.

Черт, но куда он запрятал клад? Я прикинул, как сам поступил бы на его месте. Простучал полы. Потом Кольку — тщедушного молодого сотрудника — заставил лезть в идущий из кухни, перекрытый решеткой воздухопровод, в который вполне мог пролезть мелкий человек.

Шарился Колька в воздухопроводе долго. Отчаянно чихал.

— Возвращаюсь! — наконец крикнул он.

Интересно, на щите или под щитом?

И вот он вылез на стремянку. На секунду замешкался. И резко, едва не наворачнувшись, выдернул фибровый чемодан.

Открывал замки и крышку я с предельной аккуратностью, используя носовой платок. Нельзя же криминалистов работы лишать, пусть отпечатки пальцев ищут.

Вот он, клад! Царские и советские золотые червонцы. Гора драгоценностей.

— Ваше? — спросил Александров.

Свинолупенко издал нечленораздельный рык. И всхлипнул.

Чемодан устроился на обеденном столе рядом с другими вещами. Там же лежал наградной пистолет, из которого я вынул ради безопасности обойму и выщелкнул патрон из патронника. На вороненой стали табличка: «Красному командиру Свинолупенко за подвиги на Гражданской войне. Семен Буденный».

Хозяин квартиры посмотрел на именное оружие. И неожиданно увесистым кулаком ударил по столу, так что вещдоки подпрыгнули.

— Ну как? Почему это? — кивнул он на чемодан. — Зачем мне все это? Как я дошел до такого? Красный командир. И вот — червонцы!

Зыркнул зло на жену. Та съежилась, понимая, что шуточки кончились.

— Позор. Позор-то какой!

— Откуда вещички? — спросил Александров.

— Мои. Откуда... Потом скажу. Надо подумать. Подумать мне надо. Потом, — забормотал Свинолупенко.

Крокодиловы слезы. Видел их не раз. Раскаянье. Воспоминания о былых заслугах. А потом будет требовать доказательств. Бухгалтерских экспертиз. С соучастниками примутся валить вину друг на друга. Нет ничего нуднее и трудозатратнее дел о хищениях социалистической собственности.

Вот только не будет дела о группе расхитителей из «Русского текстиля». Будет дело о вредительской организации в «Русском текстиле». А это тройка. Несколько дней допросов. И расстрел.

И не жалко.

Не зря Сталин еще в 1934 году на съезде припечатал таких вот деятелей: «Это люди с известными заслугами в прошлом считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы».

Вот передо мной типичный экземпляр, решивший, что он над законом. Пробудивший в себе беса стяжательства.

Отпусти его сейчас, оставь на должности, и он снова примется воровать. Потому что страх потерял. А страх для нашего общества — это как скелет для организма...

ГЛАВА 6

Я пролистнул газету «Социалистическая индустрия». Стройки пятилетки... Славословия Сталину... Выпущены серии почтовых марок по случаю прошлогодней высадки экспедиции во главе с Папаниным на Северный полюс, а также перелета Чкалова, Байдукова и Беякова через Северный полюс в США... Вышла вторая серия фильма «Петр Первый». Надо сходить. Первая серия получилась на редкость убедительной.

В турке закипел кофе. Все же хорошо иметь по должности доступ к спецраспределителю. В магазинах такого кофе не достать. А мне он необходим, как и хорошая папироса, чтобы не свалиться с ног после очередной бессонной ночи. И кофейный запах для меня как дурман-трава, просто пленяет сознание.

Я с удовольствием сделал маленький глоток. И тут с обходом вотчин и владений появился начальник УНКВД. Не было заметно, что он очень рад нашим вчерашним подвигам.

— Уже места в камерах не хватает для ваших воришек. Это мусор, который вымести ума большого не надо. Вы настоящих врагов народа ищите, Ермолай Платонович. Подайте мне троцкистско-зиновьевский сброд! Берите пример с Граца. Вон как глубоко он этих «литераторов» из университета копает. И без всякой агентуры. Следственным путем и по сигналам граждан. И вот шпионская организация уже у нас, — последние слова Гаевский произнес как-то ласково, будто шпионская

организация была ему чем-то родным и приятным, вроде пушистого неприкаянного котенка, которого пригрел в голодную зиму.

— Так уж и шпионская, — хмыкнул я.

— К чему этот скепсис? — неодобрительно спросил Гаевский.

— Никакого скепсиса. Завидую. Настоящий шпион — зверь редкий...

Лично я отвечал за оперативную работу Управления. Агент — это самое острое и мощное оружие органов. Он в стане врага вскроет и коварные планы, и участников вражеской организации, принесет тебе их на блюдечке. И требовал я от агентуры настоящих врагов, а не трепачей, что по пьяни Русь к лаптям от тракторов зовут. Много лет я результативно выбивал врагов советской власти. Настоящих. С помощью агентуры, мотивированной, подготовленной, воспитанной мной. Ну а ныне выясняется, что агентура — это не главное. Главное — донос.

Доносов ныне столько, что пришлось создать специальный сектор, входящий в следственную группу Граца. Еще со времен инквизиции известно, что донос — прекрасный способ свести личные счеты и заполучить материальные блага. Вот и писали люди без устали — на сослуживцев, родственников, врагов, друзей. Именно из доносов происходили самые провокационные и фантастические дела.

Мне кажется, у начальника следственной группы Граца имелся редкий дефект психики. Он получал удовольствие, подгоняя факты под нужную ему картинку сущего. А что на деле — да кому это

интересно? Вон, татарская община. Ругались правоверные, что им мечеть закрыли и хадж в Мекку перекрыли, что для истинного мусульманина удар. На них кто-то написал донос: «Занимаются антисоветской пропагандой». Грац с энтузиазмом принялся играть с окружающей реальностью. И вот — получите татарскую антисоветскую организацию. Ну да, татары за языком не следили. Но это не организация. Что такое антисоветская организация, я узнал еще в Гражданскую. Не одну такую раздавил. Их участники безраздельно во власти лютой ненависти к политическим противникам, готовы лить кровь в любых количествах. Здесь же просто трепачи, любящие намаз, традиции предков и не шибко любящие советскую власть.

— Ну пусть черканет перерожденец-текстильщик, что золотишко для бухаринского подполья собирал, — предложил начальник УНКВД. — Ему уже все равно. А нам хлеб.

— Попробуем, — кивнул я.

Да и господь с ним — для подполья так для подполья. Главное, этот нарост скovyрнули, и государственное добро не будет обращаться в царские червонцы.

Меня больше тревожила информация по «Пролетарскому дизелю». По фигуранту, на которого навел железнодорожный грабитель. Это дело серьезное. Нам только теракта там не хватало.

Я посмотрел на часы. Ну что, пора.

Взял папку и сбежал вниз по лестнице. Кивнул сидевшему в дежурке водителю:

— Поехали! Сперва в обком. Потом на «Дизель»...

ГЛАВА 7

В назначенное время я зашел в узкий и длинный кабинет, обставленный достаточно скромной канцелярской мебелью.

Второй секретарь обкома Порфирий Белобородько поднялся из-за стола. Шагнул мне навстречу. Улыбка у него скромная, грустная и будто бы виноватая. Он пожал мне руку.

В полувоенном френче, немножко полноватый, сутулящийся партийный лидер вид имел абсолютного обывательский — чистый счетовод из конторы. А рукопожатие крепкое. Видно, что не только автоторчку в жизни держал.

Усевшись на стул, я протянул ему папку с секретными документами. И Белобородько стал внимательно вычитывать бумаги, касающиеся предстоящих мероприятий против членов партии, а также грядущих арестов.

Он делал в блокноте отметки. Красным карандашом поставил несколько галочек на документах, объявив:

— За этих людей ручаюсь. К остальным присмотритесь.

— Я понял, Порфирий Панкратьевич. Будет сделано.

Нас связывали если не дружеские, то уважительные отношения, местами переходящие в доверительные. А еще прошлые большие дела. Главное из которых — строительство «Пролетарского дизеля».

Белобородько, несмотря на обывательский внешний вид, был героическим трудягой и вели-

колепным организатором. Он зажигал измотанных людей парой фраз, и те делали невозможное. Аскетичный, надрывающий здоровье, забывающий поесть и поспать, он никогда не забывал накрутить хвоста подчиненным за опоздание на полчаса платформы с трубами. Он да Алымов — на их здоровье и крови взошел и заработал завод. Ну и моя лепта тоже была.

Позже Алымов стал директором «Дизеля», каким пребывает до сих пор. А Белобородько призвали на должность второго секретаря обкома. В этом качестве он отвечал за партийный контроль за органами НКВД. Через него проходили материалы по тройке. И, надо отдать должное, он старался соблюдать объективность, насколько это возможно в наших обстоятельствах. В отличие, кстати, от первого секретаря обкома, все время призывавшего рубить шашкой гидру контрреволюции и нещадно давить всех сомневающихся.

Именно с помощью Белобородько удавалось порой перенаправить захватившую не на ту ветку мотодрезину нашего правосудия. Он вытащил с того света несколько весьма ценных руководителей промышленности. И я ему был благодарен.

Надеюсь, уважение у нас взаимное. Он не раз говорил, что именно в моем лице видит настоящего чекиста. Про остальных тактично умалчивал.

— Значит, Свинолупенко взяли, — неожиданно сказал секретарь обкома.

— Да. И его. И чемодан с бриллиантами, царскими золотыми червонцами.

— Почему так? Я ведь устанавливал с ним советскую власть в Туркестане. Мужик боевой был. Ничего не боялся. Спали на голой земле. Ели, что бог послал. Голодали. Теряли друзей. Были счастливы тем, что живем в поворотное время. И вот теперь — чемодан с червонцами.

— Люди меняются.

— Или раньше хорошо мимикрировали, а теперь сбрасывают маски?.. И чего, «Текстиль» и его партнеры пойдут через тройку?

— Обязательно.

— Вы проводите по политическим статьям обычных расхитителей и мздоимцев, — с укоризной произнес Белобородько.

— Вор и дурак натворит порой столько, что ни одному иностранному шпиону не по силам.

— Но они все же не шпионы. Значит, мухлюем мы с вами.

— А если их не выковырять, мы с такими кадрами индустриализацию никогда не проведем. Украдут все. А что не украдут — то разбазарят. Хозяйственное дело два года длится. Требуется квалифицированных следователей, бухгалтеров, которых катастрофически не хватает. И что, нечисть всякая будет ждать очереди, пока органы найдут время ими заняться? Ничего. Пускай побудут врагами народа.

— Может быть. Только учти, Ермолай Платонович, тут легко увлечься и наломать дров. Опасайся самоуверенности вершителя судеб, чекист.

Я кивнул. Много чего мог в ответ ему сказать. Например, что идея пускать мздоимцев по контр-

революционным статьям вовсе не моя. Когда еще начинались массовые чистки, один из старших товарищей, устами которого глаголет высокая истина, намекнул, что такова теперь политика.

Мы ведь до сих пор пожинаем плоды проникновения в партийную среду и советскую бюрократию чуждых элементов и чудовищного перерождения части большевиков. Почивший в бозе нэп — новая экономическая политика, когда вернулась частная собственность на средства производства, создал целый класс советской, но оттого не менее бесстыдной буржуазии. Та быстро срослась с властью, пошли шальные деньги. Я же помню, как милиция работала в спарке с бандитами и расхитителями. А сотрудники ОГПУ покрывали контрабандистов. Райсоветы и райкомы миловались с нэпманами. Высокопоставленные партийные деятели, в числе которых был Троцкий, проталкивали передачу за копейки в концессии иностранцам целых регионов, где англичане и французы будут бесконтрольно добывать пушнину и полезные ископаемые. А что творилось во внешней торговле! Втридорога закупалось ненужное оборудование, за что шли щедрые пожертвования нашим бюрократам. Неудивительно, что внешторговцы, как припекло, пачками стали оседать на Западе. А взять швейцарские банки, где на безличных счетах наших номенклатурных деятелей лежат миллионы за распродажу страны! И даже когда эксперимент с нэпом был прекращен, привычка жрать в три горла у перерожденцев, занявших многие ключевые

позиции, никуда не делась. До сих пор идут чудовищные хищения и махинации.

Да, перерожденцев скопилось на всех уровнях государства немало. И они обеими руками за советскую власть. Благодарны ей, что зажили как графья. Только вот не выйдет у них кататься как сыр в масле. Если и будут кататься, только в «воронках», да на троечку.

«Они украдут все, сколько ты ни произведи материальных ценностей. Потому что их жадность неутолима. Единственное лечение — пуля», — сказал мне тогда старший товарищ.

Я эти наставления помню и реализую. Только вот Белобородько сказать об этом права у меня нет.

— Больше не буду отнимать ваше время. — Я захлопнул папку.

— Передавайте привет Летчику, — сказал напоследок второй секретарь.

Он оказывал своеобразное покровительство аэроклубу Осоавиахима. Любил пообщаться с его начальником — Всеславом Соболевым, которого в народе зовут Летчиком. Вообще, летчиков много, но Летчик с большой буквы у нас в области один. А еще он очень хороший мой друг со времен Гражданской войны.

— Обязательно передам, — кивнул я.

— Эх, вечная мечта человека о небе, — с грустью произнес второй секретарь. — Почему нас так тянет туда, Ермолай Платонович?

— Романтика больших высот и скоростей.

— А еще стремление оторваться от забот и грязи. От зла и предательства, — Белобородько за-

молчал и мельком бросил на меня взгляд — как я воспринял его эмоциональное заявление.

— Мне пора на «Дизель». — Я поднялся.

— Там что-то стряслось? — с обеспокоенностью за свое детище спросил второй секретарь.

— Проблемы. Возможно, серьезные.

— Проблемы, да. Взять вашего Граца. Он не слишком усердствует с арестами? На заводе так скоро народа не останется.

— Будем вдумчиво разбираться по каждому случаю.

— Уж сделайте одолжение, Ермолай Платонович...

ГЛАВА 8

«Пролетарский дизель» — это воистину гигантский проект. Один из флагманов индустриализации. Гордость нашей области, он грозил с лихвой перекрыть потребность в широком перечне важной для нашей страны промышленной продукции.

За поворотом открылся вид на завод. Его территория была обнесена бетонным забором с колючей проволокой, вдоль которого патрулировали бойцы ВОХР, ища подкопы, проломы, приглядывая, не тащат ли несуну народное достояние.

Вот и ворота, похожая на дот проходная, у которой собралась толпа. Чуть поменьше народа толпилось у киоска в ста метрах справа. Там торгуют сигаретами и водкой в разлив. Не видит руководство завода ничего плохого в том, чтобы рабочий

человек закурил папироску, да опрокинул рюмашку после смены, да и пошел бы домой.

Моя черная «эмка» остановилась перед воротами. Я показал суровым вохровцам с револьверами в кобурах пропуск. Мой водитель Саша тоже продемонстрировал соответствующую бумагу.

— Проезжайте, — кивнул насупленный усатый боец в черной форме с петлицами.

Это был целый город. Машина закрутилась между длинными корпусами из стекла, кирпича и бетона. Она объезжала трактора с прицепами, грузовики, толпы рабочих.

Подъемный кран грузил на платформу здоровенный трансформатор. Это действие сопровождалось азартными криками:

— Да влево подавай, так-перетак! Ну куда ты тянешь?!

Я любил этот завод. Как люблю заводы вообще. В них ощущается неуклонная поступь цивилизации. Победа человеческого разума, покоряющего материальный мир. И вместе с тем что-то неземное есть в больших машинах.

Цеха. Пышущие огненным жаром печи. Перевыполнение планов. Энтузиазм и создание чего-то нового и важного. Азарт технического поиска. Это жизнь!

Здесь целый мир, по сути своей очень правильный. Тут из вчерашних крестьян и ремесленников воспитывают передовое будущее страны — квалифицированных рабочих, инженеров и управленцев. Здесь всегда протянут руку оступившимся и скажут спасибо передовикам. Но и строго спросят с

виноватых. Здесь тянут вверх, к солнечному свету, забившихся в темные углы единоличников и прочих несознательный элемент. Люди ощущают себя частью коллектива, общей семьи. Идет задорная комсомольская, спортивная, культурная жизнь. Спортсмены бьют рекорды и ездят на соревнования. Самодеятельные артисты дают представления в роскошном заводском клубе. Агитаторы оказывают помощь деревне. Простые ребята осваивают начальную военную подготовку. Завод для многих прекрасных людей стал и домом, и самым смыслом жизни. А я заряжаюсь пышущей здесь оптимистичной, искренней, задорной энергией молодости.

Эх, почему я не стал инженером? Меня всю жизнь тянуло к этой профессии. Но не отпускали. То контрреволюция на дворе, то левые и правые уклоны. Кто будет бороться? Надо. Поэтому и с образованием не срослось. Ни тебе рабфака, ни высшего технического училища. Только сокращенный юридический курс да школы повышения квалификации — сначала ВЧК, потом ОГПУ и, наконец, НКВД. Мои университеты, черт возьми!

Еще на этапе строительства я курировал завод. Присматривал за ворами и расхитителями. Создавал препоны вредителям. Держал в поле зрения иностранных специалистов. Раскинул агентурную сеть, покрывшую комбинат густой паутиной, и был в курсе всего. Контролировал заключенных, труд которых использовался на тяжелых работах.

Ну а еще крутился волчком, обеспечивая строительство то техникой, то бетоном. Бился головой об стенку, выбивая вместе с местным руководством

станки, чтобы уже готовые площадки не простаивали. Так что в неуклонном росте производства на «Пролетарском дизеле» есть и моя скромная заслуга...

Добрался я до сборочного цеха. Там что-то жестяно грохотало. Ползла лента конвейера — его наладивали американцы, которые аж у самого Форда начинали.

Пройдя через цех, я поднялся по шаткой металлической лестнице на галерею, где шли кабинеты и подсобки. А вот и бронзовая табличка «Начальник сборочного цеха Ломидзе Ш. Г.».

Дверь закрыта. Ничего, подождем. Хозяин кабинета больше чем на полчаса свой цех не оставляет. Не может жить без него...

Ломидзе появился через десять минут. Это был статный кавказец лет сорока, с черной шевелюрой и лихими усами. Правда, в родной Грузии за всю жизнь он побывал только раз. Но считал себя горцем.

Он шел по галерее, смотря перед собой и бормоча:

— Шакал, не человек, да! Просто враг, да!

— Шалва, ты никак от Барина? — хмыкнул я.

— Тяжелый человек, да, — кивнул Ломидзе, пожимая мне руку.

Он отпер дверь и пригласил меня в тесный, заваленный чертежами кабинет с маленьким столом, несколькими колченогими стульями и табуретами. Из окна открывался вид на весь цех — там что-то вспыхивало, стучало, жужжало.

— Откуда такое барство в советском руководителе? — никак не мог успокоиться Ломидзе. — Как чекист ответь!

За это самое барство директора завода Алымова дружно не любили и работяги, и инженеры, и администраторы. Он не умел найти общего языка с трудовым людом. Такой новый коммунистический сибарит, неприятный в общении, вспылчивый. Больше всего народ раздражала его вездесущая и активная, как таракан, молодая жена Эсфирь Львовна. Она постоянно требовала его персональную машину — ей то за бархатными шторами, то к парикмахеру, то по магазинам. Она нигде не работала, потому что постоянно болела — правда, чем, не могли сказать самые лучшие светила медицины в нашей области. Гоняла по своему особняку домработниц не хуже чем рабынь. Дошло до рассмотрения дела о личной нескромности директора на бюро обкома. Но давить его сильно не стали. Постановили, что такие ценные специалисты имеют право на соответствующие пряники, а уравниловка — это путь в безответственность.

— Считаешь, нам надо к нему присмотреться? — усмехнулся я.

— Присмотреться... — неожиданно зло зыркнул на меня Ломидзе. — Уже присмотрелись. С вашим следователем встречался. Грац такой. Фрукт, скажу я тебе. Все чего-то ищет, шуршит бумажками, как крыса канцелярская. И вот мой мастер Ветлугин Анатолий Ефимыч — где он? А с ним еще двое в «Зеленый дом» уехали.

«Зеленым домом» в народе прозвали здание УНКВД за зеленую окраску фасада.

— А у меня на них целая производственная линия держалась. И как дыры латать? Спьяну что-то

сболтнули — допускаю, у них язык как метла. Но они не враги! А Лагин и Веригин? За халатность по тому взрыву котла в Сибирь их! И двух специалистов как не бывало. А достойной замены нет!

— Котел же взорвался.

— Дело нечистое, — поморщился Шалва. — Взорвали его. Умышленно. Уверен.

«А я даже предполагаю, кто взорвал», — подумалось мне с чувством превосходства, которое дает агентурная осведомленность.

— Еще Барина посадите! Меня заодно. Пусть завод вообще встанет. Так, да? И кто враг у нас получается, а? Ну скажи!

— Скажу, что ты слишком много говоришь.

— Так я тебе говорю! Ты свой! Ты коммунист!

— Заканчивай, понял!

Ломидзе понял, что наговорил предостаточно. Перевел дыхание.

— Ты как, Платоныч, по делам? Или просто — запахом цеха подышать?

— Да какие дела? Делишки. Хотел характеристики на твоих людей получить. Допуска обновляем, — я выложил несколько фамилий. В числе которых был и фигурант, якобы подорвавший котел, — Богдан Кирияк. А остальных — для массовки. Чтобы Ломидзе не понял, кем конкретно мы интересуемся. Не то чтобы я ему не доверяю... Я не доверяю вообще никому.

Ломидзе числился моим негласным сотрудником. Притом по-настоящему идейным — врагов революции ненавидел со всей кавказкой эмоци-